

И. П. МЕДВЕДЕВ

«МЕНЯ МАНЯТ АРХИВЫ, ПОКА Я МОЛОДЬ»

(малозвестные страницы биографии Н. П. Лихачева)

В биографии нашего выдающегося историка, археографа и коллекционера Николая Петровича Лихачева (1862—1936), несмотря на то что ему посвящена весьма большая литература,¹ остается еще немало малозвестных, а то и вообще неизвестных страниц. Соответственно, в архивах хранится еще немало материалов, способных «заполнить лакуны» и ждущих своего включения в научный оборот. К последним как раз и относятся несколько писем как самого Н. П. Лихачева, так и других лиц, они сохранились в личном фонде замечательно-государственного ученого Ивана Васильевича Помяловского (1845—1906).²

Из писем мы узнаем о тех обстоятельствах в жизни молодого Николая Петровича Лихачева, которые подтолкнули его к судьбоносному решению покинуть свою «малую родину» (г. Казань) и переселиться в столицу Российской империи (Петербург), а также о тех двух самых первых его «благодетелях», которые этому способствовали. Речь прежде всего идет о вышеупомянутом И. В. Помяловском, талантливом филологе-классике, перешедшем в разряд византистов и обогатившем византиноведение многочисленными публикациями в области апологии и палеоэпиграфики, который, занимая важные учебно-административные посты (декан историко-филологического факультета Петербургского университета, секретарь Русского археологического общества, член совета министра народного просвещения, член-корреспондент Имп. Академии наук и т. д.), сделал много полезного для отечественной науки, проявляя при этом, по свидетельствам его био-

¹ *Простоволожская Л. И.* Н. П. Лихачев: судьба и книги. Библиографический указатель. СПб., 2002.

² ОР РГБ. Ф. 608. Оп. 1 (номера дел и укладания листов см. ниже). Содержание писем «несколько» затронуто в очерке Л. И. Простоволожской (см. прим. 1, с. 6—7) и в моей статье об И. В. Помяловском (см. прим. 3, с. 223—224). Здесь же, пользуясь случаем, мы излагаем материал полностью.

графов, поразительное бескорыстие и безграничную отзывчивость именно в деле устройства судеб молодых ученых.³ Что касается второго из упомянутых «благодетелей», то имеется в виду выдающийся специалист по византийской археологии, член-корреспондент Имп. Академии наук Дмитрий Федорович Беляев (1846—1901), который был сокурсником Н. В. Помяловского по Петербургскому университету, профессором и деканом историко-филологического факультета Казанского университета, автором знаменитого трехтомного труда «Византизм», посвященного углубленной разработке «археологического» материала из Пришорного устава (De cerimoniis) византийского императора Константина VII Багрянородного.⁴

Именно Д. Ф. Беляев первым обратился в 1886 г. к Н. В. Помяловскому с письмом (без даты) следующего содержания: «Многоуважаемый и любезнейший Иван Васильевич! Позвольте Вашему благосклонному вниманию предложить одного казанского магистрата, Николая Петровича Лихачева, недавно блистательно выдержавшего экзамен на магистра русской истории и теперь приехавшего в Питер для изучения архивного материала по занимаемому ему вопросу о разрядных книгах. Так как Николай Петрович очень интересуется археологиею и нумизматикою, то он, зная Вашу компетентность в этих науках, просит меня познакомить его с Вами, в надежде на Ваши советы и содействие. Могу Вас уверить, что в Николае Петровиче Вы найдете вполне преданного своему делу и внимательного к Вашим советам мощного ученого, который будет Вам глубоко благодарен за всякое содействие и помощь в его научных стремлениях. Глубоко уважающий Вас и преданный Вам покорный слуга Д. Беляев».⁵

Несомненно, что Н. В. Помяловский сделал все от него зависящее, чтобы помочь Николаю Петровичу. Об этом, в частности, мы узнаем из другого письма Д. Ф. Беляева к нему, от 22 июля 1887 г.: «От всей души благодарю Вас за ласковый прием, оказанный Н. П. Лихачеву. Он недавно был у меня и благодарил за доставленную ему возможность представиться Вам и пользоваться Вашими указаниями и компетентными советами, от которых он в восторге, как и вообще от Петербурга и его научных сил и богатств».⁶

Благодарит Помяловского за содействие и сам Николай Петрович, посывая его в свои планы. Так, в письме из Москвы от 22 сентября 1887 г. он пишет: «Ваше ласковое письмо, которое я получил по приезде сюда в Москву, очень меня успокоило. Я не знаю, как и благодарить Вас за Вашу доброту. По временам я совсем унываю относительно своей судьбы. Приобретение степени магистра не защищает от во-

³ Об Н. В. Помяловском из работ последнего времени см.: *Медведева В. И.* Н. В. Помяловский и его вклад в византийствоведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики: материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 207—240.

⁴ О Ф. Д. Беляеве см.: *Шестиков С. Д.* Ф. Беляев (некроль) // ЖМНП, 1901. Июль. Ч. 336 (современная летопись). С. 9—31; *Жебелев С.* Дмитрий Федорович Беляев // ВВ. 1901. Т. 8. С. 354—355; Мир русской византистики... (см. Указатель имен).

⁵ ОР РГБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 562. Л. 112—112 об.

⁶ Там же, Л. 128.

инской повинности, а мне грозят два года солдатчины. Во что бы то ни стало, надо заручиться местом в Министерстве народного просвещения. Необходимо раньше окончания диссертации искать или приват-доцентуры, или учительства <...> Наилучшим, почти единственным исходом из моего положения мне рисуется приват-доцентура (теоретически я имею на это право как магистр через три года по окончании курса) при С.-Петербургском университете (если только это возможно), с возможно меньшим числом лекций. Моя мечта — открыть в янв. 1888 года курс «летописковедение Русской истории» как наиболее мне знакомый и сподручный». ⁷ О том же в письме из Москвы от 6 октября 1887 г.: «Меня очень тронуло сердечное письмо Ваше. От всей души благодарю Вас за советы, которыми надеюсь воспользоваться и в Петербурге <...> Меня преследовало крайне угнетенное состояние духа, которое только теперь, благодаря Вашему добром письму, начинает немного рассеиваться <...> 6—7 ноября я надеюсь пересечь в Петербург и первым делом яшкель посоветоваться с Вами».⁸

По-видимому, И. В. Помяловский был в курсе всех перипетий, связанных с защитой Николаем Петровичем магистерской диссертации «Разрядные дьяки XVI века».⁹ Так, еще 8 мая 1888 г. Д. Ф. Беляев пишет ему (Помяловскому): «Спешу уведомить Вас, что для Н. П. Лихачева мы устроили все, что только можно. Начальные листы его диссертации я предъявил факультету, и (мы) назначим рецензента, а Н. П. дойдет остальные листы во время каникул. Во всяком случае диспут мы устроим в начале или половине сентября, так что Н. П. далеко до закрытия на каникулы в состоянии будет опять уехать в Питер, где, по-видимому, он так обжился, что ему хочется там пожить еще годок длинний. Очевидно, он так хлопочет и торопится потому, что ужасно боится попасть на два года в солдатки и, чего доброго, засграть там в случае войны и еще больше. Хотя Н. П. был бы, несомненно, прекрасным гвардейским артиллеристом, но все-таки жалко губить столько трудов и занятий для того, чтобы иметь одного хотя бы и прекрасного артиллериста».¹⁰ Сообщая Помяловскому о «видах» петербуржца Семигова на защиту своей диссертации в Казанском университете, Беляев добавляет в письме от 8 ноября 1888 г.: «Не Лихачев ли его подбил ехать к нам для компании, чтобы одному нескучно было тряситься по горам правого берега Волги, по которым идет дорога до остановки льда на Волге? Так и не удалось Н. П. Лихачеву кончить свою книжечку до закрытия навигации, а на пароходе несомненно выгоднее было бы перевозить такую диссертацию, чем на лошадиных».¹¹

⁷ Там же. Д. 957. Л. 2—3 (указан московский адрес Н. П. Лихачева: Знаменка, д. Нарвского. Мясницкая, компания Зинернорки, № 10 — до ноября).

⁸ Там же. Л. 4—5 (с пометой И. В. Помяловского: «Опш. 15/X-87»).

⁹ Опубликована в С.-Петербурге в 1888 г. в виде монографии (не без помощи И. В. Помяловского) и защищена в Казанском университете 5 февраля 1889 г.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 562. Л. 143—144 об.

¹¹ Там же. Л. 154—154 об.

Дело с защитой магистерской диссертации обстояло не просто, о чем Николай Петрович сам поведал Помяловскому в письме из Казани от 21 января 1889 г. «То отношение к моим занятиям, которое я встретил в кружках петербургских ученых, а особенно сердечное участие, каким Вы удостоили меня, мне покровили: они избаловали меня».¹² Сообщив о «злухом недоброжелательстве, колкостях, едких намеках», которыми его «наградил» казанские коллеги, Николай Петрович пишет: «Если бы я не нашел в Петербурге Вас, Кобеко,¹³ Толстого,¹⁴ Гиля,¹⁵ на которых вовсе не мог рассчитывать, может быть я еще бы навелки на меня (хотя бы и ни на чем не основанные) естественными и повзвными. Но теперь я разочаровываюсь в людях университета <...> Мне не раз намекали и раз даже прямо высказали, что после представления Государю¹⁶ и совсем посредственная работа должна сойти за хорошую. Вообще счастье видеть Государя, которого я удостоился, как это ни странно, но здесь мне очень не вредит. Самое горячее желание мое поскорее уехать отсюда <...> Меня манят архивы, пока я молод, мне хочется исследовать. Архив Юстини в Москве и Герольдии в Петербурге исследованы мною только поверхностно».¹⁷ Наконец, письмом от 8 февраля 1889 г. Н. П. сообщает Помяловскому: «Пятого февраля состоялся мой диспут. Он был очень удачен со стороны прений, по уму! степень магистра не развяжет мне рук. Свободные исследования, частные очерки по отдельным вопросам, о которых я мечтал, отошли в область фантазии».¹⁸

Смысл этого не совсем понятного разочарования проявляется, если обратиться к письму Д. Ф. Беляева к Помяловскому от 12 марта того же года. «Н. П. Лихачеву, — пишет он, — к сожалению, не удалось получить степень доктора, хотя он, несомненно, рассчитывал на это и в этих видах написал такую большую книгу. Огызан Корсакова,¹⁹ который приготавливает рецензию для ЖМНП,²⁰ был очень умеренный, и отрицает всякую возможность поставить вопрос об удовлетворении г. Лихачева прямо степени доктора».

¹² Там же. Д. 957. Л. 6.

¹³ Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918), государственный деятель, историк, библиограф, будущий директор Имп. Публичной библиотеки. См. о нем: Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 260—265.

¹⁴ Толстой Иван Иванович (1858—1916), граф.

¹⁵ Гиля Христиан Христианович, журналист, с которым Н. П. Лихачев познакомился в Берлине. См.: ОР РНБ. Ф. 914. Д. 210.

¹⁶ О представлении Н. П. Лихачева императорской чете и о реакции казанских ученых на это событие см.: *Присположкова Л. И.* Н. П. Лихачев... С. 7.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 957. Л. 6—8.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Корсаков Дмитрий Александрович (р. 1843), специалист по русской истории, профессор Казанского университета.

²⁰ См.: *Корсаков Д. А.* Московский Патриархат и книга Н. П. Лихачева о разрядках дьяков XVI века // ЖМНП. 1889. Ч. 265. № 10. С. 290—325. О других мнениях в рецензиях отклик на книгу Н. П. Лихачева см.: Хронологический указатель трудов Н. П. Лихачева // *Присположкова Л. И.* Н. П. Лихачев... С. 24 (№ 7).

Не меньше полнейший Николаю Петровичу пришлось испытать и с докторской диссертацией на тему «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: Опыт исторического исследования».²¹ Об этих перипетиях мы снова узнаем прежде всего из письма Д. Ф. Беляева к Н. В. Помыловскому. «Из университетских новостей, — пишет он 4 сентября 1891 г., — могу сообщить Вам только относительно Н. П. Лихачева: его подбили здесь Фирсов и Осожин²² представить последнюю его работу о бумаге в качестве докторской диссертации. Корсаков же находит, что эта работа в качестве диссертации представлена быть не может, так как эта работа не по русской истории, а по русской и общей палеографии и археологии. В факультете по этому вопросу, вероятно, будет много жарких споров и, пожалуй, неприятностей. Я пробовал было уговорить Ник. Петрача оставить эту мысль, но он страстно желает поскорее получить степень доктора, особенно ввиду естественных домашних обстоятельств. Придется, должно быть, расхлебывать эту кашу, которую Фирсов, быть может, заварил для того, чтобы создать прецедент для своего сына, так как Фирсов никогда просто ничего не делает, а Ник. Петр. может оказаться и не совсем principium для него роли. Пока еще Н. Петр. официально своей диссертации не представил; он дожидается предварительного суждения о ней отдельных членов факультета».²³ Из письма от 23 сентября 1891 г.: «Н. П. Лихачев представил-таки свою „Бумагу“ в качестве докторской диссертации и уехал в деревню, где будет ждать решения факультета. Хотя Корсаков сильно протестовал, но большинство членов факультета, очевидно, будет на стороне другого историка, Фирсова, который и поддал мысль представить „Бумагу“ в качестве докт. диссертации».²⁴ Из письма 31 января 1892 г.: «Дело о диссертации Н. П. Лихачева еще не дебатировалось в факультете, так как Корсаков и Фирсов отныне еще не представляли и представляют, вероятно, к концу 6-месячного срока. Предсказать, как кончится его дело, трудно; я во всяком случае, как обещал Н<иколаю> П<етровичу>, так и буду действовать, т. е. в его пользу, ввиду как достоинства самой книги его, так и ввиду его преданности своей науке и удивительного трудолюбия».²⁵

И, наконец, радостная весть в письме Беляева от 10 мая 1892 г.: «Из наших новостей самую интересною для Вас, конечно, будет защита Лихачева. Он защищался очень хорошо, тактично и сдержанно, так что сам Корсаков признал его защиту удовлетворительною, хотя и остался при прежнем мнении относительно диссертации. Объявление

²¹ Опубликована в С.-Петербурге в 1891 г., защищена в Казанском университете 3 мая 1892 г., а не 3 марта, как указано в каталоге выставки «Из коллекций Н. П. Лихачева» (СПб., 1993, С. 276).

²² Фирсов Николай Алексеевич и Осожин Николай Алексеевич, профессора Казанского университета.

²³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 81—81 об.

²⁴ Там же Л. 83.

²⁵ Там же. Л. 94—95 об.

о признании Николая Петровича доктором было встречено рукописками, и Николай Петрович был, конечно, очень рад, что дело его кончилось вполне благополучно и даже гораздо лучше, чем я ожидал, так как, несмотря на все меры и увещания, я опасался, что Корсаков будет позржать резко и раздражительно. Слава Богу, ничего такого не было, и диспут прошел вполне благопристойно и прилично. Что будет Лихачев делать дальше, не знаю. Теперь он поехал в деревню к отцу отдыхать на лаирах и проживет там, по-видимому, все лето, а потом уже отправится в Москву и в Питер искать пристанища для дальнейших занятий».²⁶

Откликнулся и сам Николай Петрович. В большом подтитулованном (кто-то карандашом поставил непервую дату — 1891) письме он так описывает процедуру защиты: «3 мая, после долгих ожиданий и волнений состоялся, наконец, мой диспут, окончившийся в 6 1/2 часов вечера. От оппонентов мне удалось отбиться. С официальными я честно переломил конья, а неофициальный — проф. Н. П. Загоскин²⁷ — был жестоко побит. Свои возражения он начал с таким задором, таким тоном и такими глумливыми порицаниями, что я чуть-чуть было не растерялся <...> Меня спасли чьи-то молитвы. Загоскин допустил несколько грубейших промахов в области литературы предмета и попал в западню, расставленную мною по поводу одного акта. Я воспользовался всем этим и не только отбил нападение, но в азарте сам перешел в наступление, и из положения экзаменуемого моментами переходил в роль экзаменатора. Такой успех не прошел мне даром. Казанские газеты сочин должом заступиться за своего „публициста“ и осмыслили меня руганью. Посылаю Вам статейку».²⁸

«Не подумайте, — заключает Николай Петрович свое письмо (а вместе с ним и мы нашу статью), — что я действительно отрицал обобщение в науке, я только сказал, что прошла пора выбора широких тем для диссертаций, и сказал это по поводу того, что Загоскин упрекал меня в мелочности моих работ».²⁹ Наконец, таким образом, еще один

²⁶ Там же. Л. 102—102 об.

²⁷ Загоскин Николай Павлович (1851—1912), специалист по истории русского права, профессор Казанского университета.

²⁸ ОР РИГ, ф. 608, Оп. 1, Д. 957, Л. 14—14 об. Действительно, в письме приложена вырезка из казанской газеты от 5 мая 1892 г. со статьей «По поводу диспута Н. П. Лихачева», без подписи, но из письма Н. П. Лихачева мы узнаем, что составлена статья была неким Мандельштамом: «Он из поднадзорных и ненавидит меня уже по одному тому, что я еще и уверенность был известен за отягощенное преступление, почему на одной стороне — по поводу оскорбления Фирсова — мне даже было предложено возражать со стороны правительства» (Там же. Л. 14 об.). В газетной статье, в частности, говорится следующее: «... Добросовестные крошечки и армяные рабчики, конечно, нужны для науки. И те и другие в наших глазах очень почтены и заслуживают всякого уважения, пока не выйдут свое место (курсив мой. — Н. М.). Но когда вместо того, чтобы скромно соизнаться в недостатке своего дарования и, не добывая ни ученых степеней, ни кафедр, оставаться почтенными чернорабочими в науке, они собственное бесцельное возводят в принцип и заявляют с кафедры, что „пора широких обобщений в науке миновала“, мы готовы признать за ними мужество, но... не научное» (Там же. Л. 16).

²⁹ Там же. Л. 15.

эпизод в вечном споре исследователей-источниковедов и представителей «теоретической истории», адептов «внеисточникового» исторического знания, — эпизод, изрядно «сдобренный» к тому же идеологическими пристрастиями.

SUMMARY

The author of the article introduces unpublished epistolographic materials containing information about the situation in young Likhachev's life that finally led to his crucial decision to leave his «native land» (the city of Kazan) and move to the capital of the Russian Empire (Saint-Petersburg). The article also contains interesting facts about the defence of his Master's and Doctor's theses.